
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Душегуб из Нескучного сада

I

В конце июля, довольно прохладного, но все же солнечного, среди бела дня, один почтмейстер вышел из своей конторы в Гагаринском переулке и быстрым шагом направился к Пречистенке. Можно даже сказать — побежал. Старался не терять достоинства и степенности, но двигался настолько торопливо, что дважды ронял форменную фуражку.

К груди он прижимал конверт с сургучными печатями. Рука закрывала адрес, но приметливый прохожий сумел бы разглядеть надпись красными чернилами, выползающую слева, из-под большого пальца: «Лично, в собственные...»

Из ворот особняка Холмогорова неожиданно выехала коляска. Ни скрип рессоры, ни ржание лошадей или гиканье извозчика о ее появлении не предупредили. Почтмейстер шархнулся в сторону и в третий раз уронил фуражку, которая покатилась, подскакивая на брусчатке. Поминая лукавого со всей его рогатой родней, он бросился следом, точно юный гимназист. А ведь не мальчик, намедни стукнуло сорок лет. Усищи вон ка-

◆ *Стасс Бабицкий*

кие, в половину лица, отращивать начал еще в молодости, когда служил в кавалерийском полку. Впрочем, как приговаривает его квартирная хозяйка: не в усах честь, оне и у мыша есть...

Поймал беглянку, нахлобучил на голову плотно, аж козырек на глаза съехал. Из-под фуражки выбивались кудри — не те разлетающиеся по ветру романтические завитушки, которые иные прекрасные дамы любят накручивать на тонкие пальчики, называя славного юношу Лелем или Адонисом. Нет, это был жесткий каракуль, своенравный и непокорный, подходящий к характеру главы почтовой конторы. Тот был упрямым как осел и при этом по-бычьему силен. Наверное, стоило бы прекратить высматривать в его образе черты, присущие обитателям скотного двора, но нельзя обойти вниманием ту удивительную статью породистого рысака, за которую в отставного гусара влюблялись встречные-поперечные женщины: дворянки, горничные и прочие модистки. Наличие в его прошлом неприятных страниц — разжалование за дуэль и каторга по убийственной статье — не отталкивало, а, напротив, добавляло пикантности и авантюрного шарма.

— Убивец в Москве! — Подросток со стопкой газет на плече вынырнул из подворотни на другой стороне улицы. — Кровавая драма в Нескучном саду! Убивец не щадит никого! Подробности токмо в свежем выпуске «Известий».

Почтмейстер остановился, хотел подозвать разносчика свистом, но того успел перехватить дородный купчина.

— Почем торгуешь?

— Две копейки, дядя!

Малец пританцовывал от нетерпения.

— Ишь, две копейки... Бумага дрянная, на самокрутки и то не согдится. Краска не просохла. Только руки марать.

— По второму заходу тираж допечатывают. Весь город читает! Один ты жмотишься.

— Ишь, пашенок! Ну, твоя правда. Две копейки за кровавые подробности не жалко. Возьму, пожалуй.

Мальчишка бросил монету в нательную кису и побежал дальше, к бульварам, вереща: «Убивец в Москве! Не щадит никого!» Но почтмейстер уже не слушал. Дело столь важное, что даже самые захватывающие новости подождут. Он выскочил на Пречистенку, скользнул взглядом по фасадам аптеки и Политехнического музея, которые обычно игнорировал по причине отменного здоровья, а также отсутствия интереса к науке. Устремился к двухэтажному особняку серого камня. Дом генерала Орлова после смерти хозяина перестроили и сдавали квартиры внаем. Под третьим номером проживал искомый адресат.

Вошел без стука. Дверь не заперта, а форменный мундир и строгие слова «при исполнении» утихомирят всякого, кто позволит себе возмущаться. Но вторжение протеста не вызвало.

Убогую комнату перегораживал письменный стол. Судя по созвездию чернильных пятен на его суконной поверхности, жилец часто хватался за перо впопыхах, писал быстро, стараясь изловить разлетающиеся мысли и поскорее заключить в бумажные листы. Кроме пресс-папье и чернильницы, здесь стояла хрусталь-

ная ваза с одиноким яблоком. Из-за стола выглядывала резная спинка немецкого полукресла, а в дальний угол втиснулась оттоманка, обитая черным жаккардом¹ с золотой нитью. В обстановке сквозили достаток и некоторая спесь, а уюта не чувствовалось. Вошедшему гостю и присесть-то некуда, приходится топтаться в дверях. Хозяин на узком диване лежит, словно в гробу, — тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, но право же: руки на груди сложены, веки прикрыты...

— Спишь? Так все и проспийшь! — бросил почтмейстер от порога. — Сходил бы хоть прогулялся по Пречистенке. Благодатная улица. Такая красота вокруг!

— Красота? Я теперь нигде красоты не вижу.

Квартирант не спеша сел, оправил жилет и пригладил темно-русые вихры. Спал он одетым, не сняв щегольские, но уже стоптанные черные туфли. Сюртук же был презрительно брошен на пол. При этом жилец не выглядел неопрятно — лицо гладко выбрито, одежду недавно чистили. А вот настроение... Нет, не грусть, не тоска и тем более не черная меланхолия. Скорее, задумчивая отрешенность.

— Зря ты, братец! — Усач вытирал испарину. — Красота она везде и когда-нибудь мир спасет. Это мне давеча один знакомый князь втолковывал.

— Наверняка молод твой князь до безобразия, — огрызнулся собеседник, лениво потягиваясь и зевая. — В юности взор и мысль требуют простора, стремятся наружу. С годами начинаешь больше внутрь, в себя поглубже заглядывать да в других людей. Тут красоте и конец.

¹ Дорогая ткань с крупным рельефным рисунком.

— Врешь! Ты и сам далеко не старик, годами моложе меня будешь. Разве не замечаешь... Да вот хоть домов красивых вокруг? — Почтмейстер кивнул в сторону окна с отдернутой занавеской. — Или вот. — Он схватил из вазы на столе краснобокое яблоко. — Смотри какое! Наливное, с тонкой кожицей, тепло среднерусского солнца впитало, а пахнет — душа радуется. Опять, скажешь, не красота?!

— Лишь на первый взгляд! Как ты не поймешь... В красивых интерьерах подчас душные и унылые люди живут. Кавтарадзе в том белом особняке — да-да, отсюда колонны видны — жену и дочь голодом уморил. Месяца не прошло, перевез к себе актрису-француженку. Красота? Или, возьмем пример, отставной штабс-капитан Еропкин открыл картежный притон в доме возле церкви, без тени стыда. Вот что я вижу вокруг. В любом могу разглядеть скрытый яд. И в яблоке твоём заранее предполагаю мерзкого червя, который красоту уничтожит. Не сегодня так вскорости.

— А мне, может статься, вдвойне милее червивое, — упрямылся почтмейстер. — В нем видится борьба и единство противоположностей. Немецкие философы те еще словоблуды, но это точно подметили. Чтобы победить зло, нужно признать: оно есть в каждом из нас. Борьба внутри проходит, поэтому красота и необходима, в противовес уродству. Два полюса, ад и рай, чтобы было понятно, от чего бежать, к чему стремиться. И яблоко я тотчас же съем, а ежели найду червяка, то просто выплюну.

◆ *Стасс Бабицкий*

С этими словами откусил чуть не половину и захрустел.

— Стало быть, для тебя красота — нечто непременно доброе и близкое к Богу. Обещание вечного блаженства. Тогда поостерегись яблоки грызть, именно за такое обычно из райских кущ выгоняют. Ну, ну, не багровой лицом. Шучу. — Постоялец говорил спокойно, но в его темных глазах сверкнула озорная искорка. — Ты не прав, и немцы твои тоже ошибаются. Человек готов бороться и страдать не во имя красоты, а ради покоя. Стабильности люди ищут. Скучной, серой, неказистой. Как у меня сейчас.

— По своей мерке судишь, — скривился почтмейстер. — Ты из тьмы идешь, значит, для тебя и серость — прогресс. Половина дороги к свету! Но есть люди по своей природе светлые. Они, сколь бы жизнь ни испытывала, с доброго пути не сбиваются.

— А чего рожу морщишь? Яблоко кислое попалось?

— Не то слово! Вырви глаз...

— Бывает. Светлое, душистое, да незрелое. Но мы эдак поддняя проспорим о пустом, а ты не с пустыми руками пожаловал.

Почтмейстер хлопнул себя по лбу, причем тем самым кулаком, в котором сжимал письмо. Вышло комично, но не засмеялись. Чересчур грозно смотрелась депеша.

— С петербургским поездом курьер прибыл. Из отделения по охранению общественного порядка, — скороговоркой произнес он. — Привез вот... Печатей казенных не меньше пяти. Внутри, готов спорить на любой заклад, бумага гербовая. Что подозрительно:

адресовано на прежнюю фамилию. Ты-то в Москве называешься Мармеладовым, а по документам, с тех времен...

Слова подействовали словно ушат ледяной воды, куда делись сонливость и медлительность. Обрывки конверта пали на сюртук, украшая его причудливыми эполетами.

— Курьер сам порывался идти, требовал адрес. Но я его приложил парой слов да оставил в конторе водку пить с нашими вахлаками, а сам к тебе бегом. Мало ли, какие тучи нависли. По крайности, предупредить... Чтоб успел... Того...

Мармеладов проглатывал письмо, страницу за страницей, шевеля губами.

— Нет, это не то... Да ты садись, Митя! Садись!

Вцепился в ярко-желтые лацканы мундира почтового ведомства и чуть ли не силой усадил гостя на жаккардовый диван. Потом перешел поближе к окошку, взобрался на подоконник.

— Угадал! Бумага гербовая, дорогушая, но совсем ее не жалеет. Пишет размашисто, витиеватым языком, на десять слов одно по существу.

— Кто не жалеет? Кто? — закудахтал бравый почтмейстер, не переставая удивляться столь разительной перемене в настроении друга.

— Порфирий. Я тебе о следственных методах этого гения рассказывал. Психология-с! Правда, в настоящее время он более известен как г-н N. Ушел из уголовного сыска в политический. Выявляет инакомыслящих, сеет Петербург через мелкое сито.

— Гос-с-споди! А от нас ему что надобно?

◆ *Стасс Бабицкий*

Митя бессознательно произнес это «нас», но тут же обрадовался. Бросить друга в трудную минуту — последнее дело. Вместе отбывали сибирскую каторгу, пережили такое, что и вспоминать страшно. На свободу вышли в один день. Иные увидят в этом пустое совпадение, но он решил — это знак и уговорил приятеля ехать в Москву, где благодаря старым полковым связям нашел себе доходное место по почтовому ведомству. А Мармеладов подвизался на литературном поприще. Стал критиком. Талантливым, заметим в скобках, хотя и не в меру язвительным.

— Представь себе, этот корифей сыска взывает о помощи! Слушай, — и, не реагируя на отвисшую челюсть почтмейстера, принялся зачитывать. — «Надо, непременно надо создать охранное отделение и в Москве, и в других городах, в ближайшее время, ибо предчувствую впереди годы грозные и безнравственные. Полиция не справится, она ловит по большей части не наполеонов, которые позволяют себе через кровь переступить, отравить мораль в обморок с одного удара. Нет, их задача заприметить сотни и тысячи самых обыкновенных людей, переступивших через закон в мелком, в таком, что Наполеону, пожалуй, и в голову не придет, — украсть, оболгать, ребенка невинного в разврат втянуть. Не во имя высокой цели. Такие преступники не пытаются мир наново обустроить. На мораль даже не замахиваются, не то чтоб ударить, а так, посмеиваются за ее спиной да корысть свою пестуют. Мы же в охранном отделении совсем с другими преступниками сталкиваемся — коварными, изощренными. Зло принимает удивительные формы и отличается чрезвычайной жестокостью, про-

тивостоять ему приходится с большим усердием и искусностью. А потому, милостивый государь, нуждаюсь в вашей помощи. Помните, в бытность оную вы измыслили теорию о том, как люди становятся преступниками? Сами ее и проверили, перешагнули через препятствие... Помните? Не сомневаюсь. Вы в ту пору чудовище внутри себя пригрели и выпестовали, признаюсь, сам был изрядно напуган ощущением той невыносимой жути, царившей в вашей голове. А после вам удалось пересилить себя и связать этого василиска. Сунули его в мешок, да и бросили в темные воды забвения. Вместе с тем уверен: чутье на подобных чудищ у вас осталось. Это как после оспы, ежели удалось кому пережить, то зараза больше не пристанет, но, с другой стороны, спросят «болели?», и не спрячешься, не соврешь — лицо рябое самым навязчивым манером и выдаст...»

Мармеладов захлебнулся длинными предложениями, перевел дух.

— И подобным образом шесть, нет, семь страниц! — усмехнулся он. — Зато на начальственном месте без своих давнишних «так-с» и «вот-с» научился обходиться. Где самая суть? А, слушай: «Обстоятельства вынуждают меня открыть вам историю чрезвычайно деликатную, тоньше императорского фарфора...» Нет, вздор. Своими словами короче выйдет. В Москве убиты две фрейлины, не из свиты императрицы, а приставленные к Екатерине Михайловне...

— Долгоруковой? — Митя пришел было в себя и сумел перебороть отвисшую челюсть, но снова ахнул.

Про фаворитку Александра Второго не давали официальных сообщений, но историю их любви обсуждали

◆ *Стасс Бабицкий*

не только на балах да светских приемах, об этом судачили мелкие чины в присутственных местах, приказчики в лавках, торговки на рынке, гимназисты, монахини и нищие на паперти. Вся империя знала: десять лет назад выпускница Института благородных девиц очаровала августейшее сердце. Влюбленные тайно встречались во Франции, прижили двух деток, а с недавнего времени царь-батюшка поселил прекрасную княжну в Зимнем дворце, вместе с незаконнорожденными отпрысками. Официальная супруга, Мария Александровна, делала вид, что не замечает этих отношений.

— Император отправился с женой на воды, в Баден-Баден, об этом неделю назад в «Ведомостях» писали. Княжне неуютно без покровителя: при дворе ей рады не многие. Она заранее увезла детей в Москву, свиту, понятно, взяла с собой. Двух фрейлин зарезали. — Мармеладов сверился с письмом. — В Нескучном саду. Одну по прибытии, другую на третий день. Г-н N не имеет возможности сию минуту заняться расследованием, но уверен: моя консультация будет небесполезна. Посему и заклинает — смотри-ка ты! — безотлагательно встретиться со следователем Хлоповым.

— А вдруг он тебя в этих убийствах подозревает? Готовит ловушку? — нервно заерзал почтмейстер. — Придешь, а этот Хлопов-то и прихлопнет..

— Возникни малейшее сомнение на мой счет, он пришлет не письмо, а взвод жандармов — дверь ломать и руки крутить. Порфирий дважды сложную игру затеять не отважится, тем более речь об особах, приближенных к императору. Психология — заморочка долгая, муторная, а ему некогда рассусоливать, налицо спешка — ку-

рьер, депеша... Г-н N хочет добиться результата в самом скором времени. Вежливо просит встретиться секретным образом, чтобы газеты — он это подчеркнул, гляди-ка, двумя линиями! — ничего не пронюхали.

— Может статья, уже пронюхали! По пути к тебе встретил мальчонку, разносчика. Он горло надрывал, аккурат про убийство и Нескучный сад. А я не купил...

— И ты молчал? — Мармеладов поднял с пола сюртук, надел, даже не пытаясь отряхнуть. — Идем скорее.

— К следователю?

— Еще чего! Мы отправимся в трактир. Там газеты сегодняшние отыщутся, да и обедать пора.

II

Обедали в трактире для извозчиков, притулившемся в проулке за Зубовским бульваром. Почтмейстер оглядел скромную залу, грубо сколоченные лавки, линиялые скатерки... Брезгливо вздрогнул и заворчал в усы:

— Не понимаю, братец! Решительно не понимаю. Критикой ты зарабатываешь, положим, рублей сто в месяц. За переводы статей с немецкого и французского — полста. Доходы на уровне надворного советника! Но придет ли надворный советник откушать в такую дыру? Нет. Он отправится к Охотному ряду, будет там, у Тестова¹, уплетать жареных кукушек или молочного поросенка под бутылочку лафита. А ты...

— А что я? — Мармеладов пробирался к свободному краю общего стола, но тут обернулся. — Я сроду не

¹ Иван Тестов — московский купец и ресторатор.

◆ Стасс Бабицкий

ведал ничего, кроме долгов. Помню хмурые дни, пару медяшек за подкладкой найдешь — и радость. Хватит на сухарь и пиво, дрянное, а при всем том угощение. Откуда мне знать, как правильно деньги тратить? Купил башмаки, не прежние порыжевшие обноски и с целыми каблуками. Сюртук пошил из голландского кастора¹, это тебе не драдедам² какой, по четыре рубля за метр идет. Квартиру нанял удобную, без клопов. Хватит, пожалуй. В этом вопросе я солидарен с Эпикуром: довольствуйся малым, а все остальное — блажь. Зашел я однажды в Патрикеевский³: зеркала, люстры, фарфоровые блюдечки. Вычурно, но невкусно. Не по мне эти галантные угощения — устрицы в меду, пармезанты, лепестки роз в сливках... Баловство и несуразица.

Усевшись на лавку, он щелкнул пальцами, подзывая полового, и продолжил:

— В одном с тобой согласен: советники в этот трактир не захаживают. Но с ними и тошно, со скуки померешь — рассуждают про политику да скорую войну с турками. А тутошний народ грубоватый, но веселый — песню споют, байкой потешат. И пища тут простая, зато свежая.

— Трактирщику веришь? — вздохнул Митя, не спеша садиться. — Ох, а рожа у него хитрющая! Я гарантии такой шельмы в грош не поставлю.

¹ Шерстяная ткань с коротким ворсом.

² Разновидность дешевого сукна.

³ Большой Патрикеевский трактир — фешенебельный ресторан, располагался на Театральной площади в Москве.

Мармеладов указал на дверь. За наличник, по левую руку от входа, были плотно втиснуты пять кнутов. Посетители, переступая порог, перво-наперво смотрели на них, а после уже крестились на красный угол и шумно приветствовали знакомцев. Кнуты эти, с обмотанными кожаными ремешками вокруг полированных рукояток, определяли качество здешней кухни.

— Означает пять месяцев без отравленных клиентов, — пояснил Мармеладов. — Извозчики народ суровый, но справедливый. Коль скоро один из них от трактирной стряпни занедужит, он работать не сможет. Деньги потеряет, деток без гостинцев оставит. Оклемается, придет сюда и переломит кнутовища пополам. Не со зла, а чтобы подать сигнал сотоварищам: в котелках опасность! Заодно это будет предупреждение трактирщику. Два года назад, в 1873-м, хозяин не внял, а какой-то возчик отравился до смерти. На следующую ночь трактир сожгли... Но покуда кнуты целые, обедай без боязни.

Съели приятели щи да няню¹. К чаю подали ржаные блины, плотные — не свернешь, чтобы макнуть в мед или сметану, ложкой черпать пришлось. Вслед за тем подоспели глиняный горшок с солодухой² и черничные леваша — любимое с детства лакомство.

— Не пора ли почитать про зарезанных барышень? — Почтмейстер прошелся до пузатого самовара

¹ Бараний желудок, набитый кашей и потрохами, запеченный до золотистой корочки.

² Кисло-сладкое блюдо из муки и солода.

◆ *Стасс Бабицкий*

и обратно, стараясь не расплескать кипяток из щербатых стаканов, а попутно собирая обрывки разговоров.

Мармеладов отсутствующим взглядом скользил по латунным подстаканникам. Ему достался тульский, в виде бочки или, скорее, деревянной лохани, с округлой ухватистой ручкой. А Митя держал ажурный, с орнаментом из ромбов и овалов, судя по выбитому клейму — каширинской мануфактуры. Непарные подстаканники. Такие же разные, как сами приятели. Они и прежде, до каторги, жили несхоже, ныне у каждого был свой круг, где утоляли жажду общения. Но при этом в тревожные моменты полагались единственно друг на друга.

— Слышишь ли ты? Газеты принесли. А народ вопреки ожиданиям не сплетничает про убийства.

— Не проведали еще, — пожал плечами Мармеладов. — Это главный плюс Москвы в сравнении с Петербургом. Здесь никому до другого нет интереса. Не лезут к тебе с расспросами, не хватают за рукава на улице, соседи не заглядывают навязчиво. В трактире не подсядут пьяные с излияниями. Я потому и выбрал Москву, другая она. Тише, свободнее. Чистый воздух в самый разгар лета, а в столице не продохнуть от болотной гнили. Помнишь? Город стоит на болотах, на мертвой воде. Оттого у многих возникает безумие или болезни душевные.

— А это не одно и то же?

— Нет, конечно. Безумие крадет разум. Мысли путает, шельмует человека — миражи кругом, иллюзии. Не чувствуешь реальности. А когда душа болит, она рвется на части, трещит поперек шва, будто туго набитый мешок. Разум при этом свеж и востер, любое действие свое осознаешь, а боль утишить не умеешь. Вот это бе-

да. В таком состоянии прескверных дел натворить можно — сам в аду сгоришь и близких в страдание затынешь. Жестокое убийство юных дев более вероятно в мрачном Петербурге, чем в Москве... Но сбылось у нас.

Прошуршали стопку газет. Митя листал медленно, вчитываясь в сообщения. Мармеладов же просматривал начало новости, а после перескакивал на следующую. Изучили «Ведомости» — и те, и другие¹, — ни слова об убийствах.

— Наваждение! Померещился мне тот малец на улице, что ли? Ведь своими ушами... — Почтмейстер повернулся к половому. — А куда подевались «Современные известия»?

— Изучають. — Прислужник, не выпуская из рук подноса, дернул головой в сторону дальнего стола.

Мужики сбились вокруг одного, самого грамотного. Кучер с окладистой бородой читал по слогам короткие строчки газетного столбца, с пытанием продираясь сквозь ферты и яти.

— Давай уж мне, любезный! Быстрее получится, — предложил Мармеладов, усаживаясь на общую лавку. Чтец зыркнул из-под бровей обиженно, но вокруг одобрительно зашумели:

— Верно! Отдай, Гринька, у барина складнее выйдет... По роже видно, образованный оне!

Критик мигом проглотил глазами небольшую заметку, покачал головой:

¹ В 1875 году в Москве издавались две газеты с похожим названием — «Русские ведомости» и «Московские ведомости».

◆ *Стасс Бабицкий*

— Что за автор?! Такими оборотами излагает, что и грамотею заблудиться немудрено...

Бородач приосанился, подталкивая локтем соседей. Вот, видали? И барин вязнет в буквах.

«Третьего дня тому, в Нескучном саду, у охотничьего павильона графа Орлова, прислуга нашла окровавленную молодую женщину. О происхождении ее точных сведений нет. Очевидцы не сумели опознать убитую, но сообщили в редакцию, что на ней было золотое платье, испачканное кровью, и драгоценности. Это, без сомнения, не случайная трагедия — кровавый палач перерезал горло своей жертве, это и стало причиной смерти. Кровавый след тянулся по земле на две сажени, из чего стало ясно: умерла несчастная не сразу, а пыталась ползти, убегая от своего губителя и тщетно взывая о помощи. Но спастись не удалось, она затихла, истекая кровью...»

— Газетчики явно перебарщивают со словами «кровь» и «смерть», — буркнул почтмейстер. — А рассказать им при этом особо и нечего.

— Многовато, да. Но надо же оправдывать цену в две копейки! Ты слушай. «Ходят толки, что это не первая жертва кровавого изувера, а прежде в саду была найдена еще одна убиенная барышня, вся в крови. Полицейские чины ссылаются на тайну следствия, не сообщая подробностей об сем кровавом преступлении...»

— Толки-кривотолки... На базаре подслушали?..

— Нет, Митя. Они достоверно знают, и осведомитель надежный. Но раскрывать его нельзя, вот и прячут за размытыми словами.

— Дальше-то что написано, барин? — подергал за рукав осмелевший бородач. Остальные слушали, раскрыв рты.

— Ах да... «Следствие по этому делу выглядит серой мышью, которая мечется в пустом сарае в поисках хотя бы одного ячменного зернышка. Это не удивляет, господа подписчики! Городовые в Москве умеют лишь выкручивать руки студентам, разгонять торговков, а также брать мзду с мелких жуликов и аферистов, отпуская их из-под стражи. Дознавателям проще выбить признание из невинного, они успешно практикуют это в последние годы. А изловить дерзкого и кровавого преступника, убивающего в самом центре города, — неподъемная задача, с которой силы, призванные следить за поддержанием порядка, пока не справляются. Посему советуем юным девам избегать прогулок в парках без сопровождения...» Скучный фельетон, пошленький. Автор, некий Берендей, мусолит один известный ему факт, размазывая кус масла по блину. Но на деле-то блина никакого нет, да и масла тоже. Возит жирным пальцем по тарелке.

— «Известия» окончательно испортились. С тех пор как их выкупил тот заезжий богатей, с Волги. Представляешь? Сапожником начинал, торговал обувью. А ныне газеты коллекционирует, влиятельной фигурой стать желает...

— А кто не желает? — хитро подмигнул Мармеладов. — Между тем три часа пробило, засиделись мы тут. Моцион! Не медля на моцион!

Из-за стола вставали, слегка покряхтывая.

— Прогуляемся до реки, — предложил Митя.

Шли вдоль берега, каждый думал о своем. Добрались до Никольского моста. Пару лет назад стоял деревянный патриарх на четырех столбах, а недавно на его месте появился железный здоровяк с коваными решетками. Мармеладов резко остановился.

— Ай да Порфирий, — прошептал он. — Хват! Прежде уже выгибал меня наизнанку, а теперь снова все переворачивает!

Почтмейстер, чуть осоловевший от обеда, не поспевал за его мыслями.

— Мост. Этот самый улучшенный, крепкий. Не грозит ему вернуться в прежнее состояние, за один миг сделаться шатким, трухлявым и ненадежным. Так? А возьмем меня. Было явление в жизни, которое доктора называли мудреным словом «ипохондрия». Нервическое состояние, болезненное, раздраженное. Сейчас вроде другой — сильнее, спокойнее. Нормальным стал по меркам общества. Но ведь нет гарантии, что останусь таким на века! Наоборот, впасть в прежнюю проклятую ипохондрию — раз плюнуть. Железный мост не боится превратиться обратно в деревянный. А я, Митя, боюсь...

Впервые за год, прожитый на свободе, Мармеладов объяснил приятелю, почему занялся именно критикой. Не от большого интереса к писателям, этих он частенько презирал за излишнюю многословность, в которой тонет сюжет. Ему необходимо было изо дня в день занимать разум новыми историями, чтобы то душераздирающее состояние из юности не вернулось. В любую повесть, новеллу или роман он вгрызался, как голодный ребенок в хлебную горбушку. Искал головоломки, интриги — лишь бы не допускать свои мысли в ту опустев-

шую пещеру, где прежде обитало кровожадное чудище. Пустота коварна, непостоянна, рано или поздно ее начнет заполнять тьма.

— А г-н N мне предложил и загадку, и возможность победы над злом. Надежду посулил или, на худой конец, отсрочку. Знал, не смогу я пройти мимо убийства фрейлин.

За рекой виднелся старинный павильон, окруженный красиво подстриженными деревьями.

— Нескучный сад? — изумился Митя. — Ох не к добру...

III

Титулярный советник Хлопов встретил их без приязни. Был он человеком мелким в душевно-нравственных качествах, да и фигурой, надо признать, не вышел. Университетские зубоскалы в бытность оную коверкали фамилию: «Клопов росточком мал, пальцем ткнешь — смердит». Зато сие насекомое больно кусает! Мстительный юноша записывал в книжицу неосторожные речи и вольнодумные пасквили, а после сдавал обидчиков жандармам. По выходе из университета протекцию получил: стал следственным приставом в Петербурге. Затем определили на повышение, в Московский окружной суд, где он уже пятый год страдал от зависти, глядя на стремительные карьеры молодых дворянчиков: одно-единственное дело закрыл — и в прокуратуры. А он навечно застрял в чине и в должности. Хотя и письма рассылал с предложением реформ, столь модных в наше дни, до-

◆ *Стасс Бабицкий*

клады ежемесячные. Излишними стараниями вызвал у столичного начальства насмешливую реакцию: теперь его именовали не иначе, как Хлопотов. В том числе и в официальных бумагах нет-нет да проскакивало. Чему же тут радоваться?! А после доклада об убийстве фрейлин ему навязали чертова помощничка. Бывший убийца на сторону законников станет, слышали вы такое?! С другой стороны, может, это и не преступник вовсе? Любит г-н N проверки да провокации устраивать... Придется принять, но улыбаться посетителям следователь не обязан.

Обстановка его рабочего кабинета действовала на людей угнетающе. Из нагромождения столов и шкапов буквально-таки выпирала жесткая неуютность, причем нарочитая, продуманная. Увидит вошедший лаково-черную картотеку во всю стену, оскал ее выдвинутых до половины ящиков, живо представит — империя под надзором, все про всех известно, за самый ничтожный грешок сейчас отвечать придется, — коленки дрогнут... А этот робости не испытывает, прошел и сел на одинокий стул посреди комнаты.

— Мармеладов? Разве так вас рекомендовали? — сухой тон, никаких любезностей. — Нет, совершенно точно-с, под другой фамилией. Вот, в письме из столицы указано...

— Это в прошлом. — Посетитель бесцеремонно оборвал следователя на полуслове. — Я в каторге венчался и взял фамилию жены.

— Вы женаты, мил'стивый гос'дарь? — Хлопов проявил ненужную дотошность.

— Вдовец, — отшлифованная каторгой душа ощущала огромную боль потери той единственной, сумевшей

не только понять, но и простить. Той, которая сожгла свое доброе сердце, чтобы рассеять тьму. Назвавшись Мармеладовым по приезде в Москву, он не пытался сбежать от прошлого, да и не вышло бы, ноша тяжела. Просто хотел вернуть те самые животворные, чистые лучи в свою жизнь. Однако поверять сентиментальный порыв каждому неприятному типу, с которым сводит случай, не собирался. — Но это пустяк, к нынешней коллизии отношения не имеющий. Мы к вам по убийству двух фрейлин.

— Трех, — со вздохом поправил титулярный советник.

— Трех? — удивился Митя, до того молчавший. — Когда третью успели?

— Вчера утром нашли, в Нескучном саду. Я изложу по порядку.

Рассказ следователя содержал живописные, но до того тошнотворные подробности, что почтмейстер распахнул окно, даже не спрашивая хозяина кабинета, и шумно задышал. Мармеладов сидел неподвижно, зажмурившись и скрестив руки на груди.

18 июля, ближе к полуночи, возле Охотничьего домика Трубецких была найдена первая жертва — Варвара Владимировна Кречетова, двадцати трех полных лет. Ей перерезали горло (здесь опустим, уважаемый читатель, вдруг у вас поблизости нет окошка, но запомните принципиальную деталь — рану убийца нанес тонким лезвием). Наткнулись на тело подвыпившие гуляки. Одного из них, приезжего из Киева цирюльника, сразу заподозрили. Душегуб мог действовать обычной бритвой, правильно? А откуда удобнее бритву взять? Именно, имен-

◆ *Стасс Бабицкий*

но из цирюльни! Арестовали эту компанию, упрятали по разным камерам в исправительной тюрьме, и на третий день они готовы были сознаться. Но тут...

21 июля, около часа ночи, в двух шагах от летнего домика графа Орлова зарезали Марию Самсоновну Ланскую, двадцати двух полных лет. Способ убийства тот же, но сия жертва успела закричать. Выбежали слуги и даже застали фрейлину чуть живой, впрочем она ничего внятного не поведала, поскольку... (вторично опустим, Хлопов излагал историю с животным натурализмом и без всякого сочувствия к погибшей). Убийцу никто описать не сумел, так, мелькнула тень вдалеке, черная или серая.

— Как я докладывал в Петербург, иного насилия не совершалось. Кольца и серьги не взяты, значит, не ради ограбления смертоубийства. Последняя жертва, Лизавета Генриховна фон Даних, двадцати пяти полных лет, сжимала в кулаке алмазную брошь. — Следователь многозначительно поднял палец. — И ювелир впоследствии оценил украшение в семь тысяч рублей. Судя по положению трупа и по тому, как кровь залила платье, перед убийством фрейлина стояла на коленях, умоляя о пощаде.

— Но преступник, выходит, презрел и мольбы, и каменя, — пробормотал Митя. — И что, тоже зарезал?

— Понятно, зарезал. Место также совпадает — в Нескучном, на мостике, прямо возле каменной осыпи. Влюбленная парочка бродила там ранним утром 25 июля. Примета есть у молодежи: на рассвете по переправе этой пройти, взявшись за руки, чтобы семейная жизнь была долгой и счастливой. А в итоге что? Невеста рыдает, в падучей бьется, доктор от нее не отходит. Жених в

кабаках пьет горькую, дабы смыть из памяти кровавую картину. Но это невозможно. Пусть десять, двадцать лет пройдет, а перед мысленным взором будет маячить... Мил'стивый гос'дарь, вы не заснули, часом?

— Напротив, ваше благородие, я за долгие годы, можно сказать, впервые проснулся. — Мармеладов распахнул глаза и посмотрел на заваленный казенными бумагами стол. — И ясно вижу: забрели вы в тупик с этим делом. Руки дрожат, письмо в Петербург дописать не можете — кляксы ставите постоянно, а скомканные листы бросаете в угол. С порога эту деталь приметил, попробовал сосчитать — сбился, но их не меньше дюжины. Что пугает вас в этой истории? Какая мрачная мистерия покоя не дает?

Хлопов сник и затеребил нервическим движением узел галстука, будто тот его душит.

— Вы правы, есть загадочная деталька. Пока я об этом г-ну N не докладывал. Он мигом потребует объяснений, а я не знаю, как ответить... Бумагу мараю предположениями, но впустую! Деталька такая, — дрожали уже и подбородок, и второй подбородок, и желтоватые щеки следователя, — рядом с каждой из убитых фрейлин находили игральную карту. Пикового туза из глазетной колоды¹. Сперва я подумал, обронил кто, не обязательно же убийца. Но после третьего стало ясно: изверг нарочно тузов подкладывает. Только никак не исхитрюсь взять в толк, что это значит.

¹ Колода карт с «рубашкой», по легенде срисованной с парчового платья императрицы Елизаветы Петровны.

IV

— Никак не исхитрюсь взять в толк, что это значит, — передразнил титулярного советника Митя. Правда, предварительно оглядевшись, не слоняется ли поблизости какой соглядатай. — Ты-то понимаешь, братец?

Два часа они вышагивали по аллеям Нескучного сада. Изучили места, где произошли смертоубийства. Ничего эдакого не заметили. Но время от времени Мармеладов, к окончательному изумлению приятеля, начал чудить. У цветника поднял с земли палку и замахнулся, нападая на незримого врага. В другой раз притаился за углом летнего домика и воровато заглянул в узкие окна. А у мостика рухнул прямо в дорожную пыль, прополз пару аршин, не щадя своих брюк и коленей, после чего скатился с каменной осыпи вниз, к усохшему ручью.

— Теперь понимаю, — заявил он, поднимаясь. — Это не простые убийства, Митя. Не под влиянием момента, нет. Некто заранее спланировал осознанное предприятие. Знал, с какой стороны выгоднее подойти к жертве, в какие кусты убежать...

— И для этого понимания обязательно было штаны в грязи извалять? — брюзжал почтмейстер.

— Подумаешь, штаны! — с горячностью возразил Мармеладов. — Тот, кто готовил эти зверства, исходил парк вдоль-поперек, выбирая глухие аллеи, чтобы заранее набить грязью свою голову. Знаешь, почему таких убийц называют хладнокровными? В первый раз допускаешь шальную мыслишку, и ужас втискивается в мозг, подобно куску льда. Оттого кровь стынет в жилах. А мысль ширится, обрастает деталями, становится плот-

нее и тяжелее. Начинаешь постоянно крутить в голове все до последнего эпизода. Сердце человеческое восстает против адской затеи, хоть оно чаще всего и надорванное уже, но сопротивляется. Горит огнем, колотится в лихорадке. Тут самая борьба и происходит. В светлой горнице или на припеке солнечном жар сердца непременно растопит ледяную занозу, та изойдет лужицей, вытечет слезами. Многие так и не решаются — это к счастью, Митя! — жизнь у другого забрать. Но в углу запаутиненном, в каморке под лестницей или в мрачном парке, среди грязи да слякоти... Легче решиться. Здесь ледяная кровь потихоньку остудит, заморозит нутро. Если сумеет человек заполошный стук в груди усмирить — все, конец! После руки сами зло сотворят.

Он поглядел на свои пальцы, перепачканные в земле, и вздрогнул, когда алеющий закат подсветил ладони красным. Сорвал листья с ближайшего дерева и поспешил вытереть.

Почтмейстер потянул носом свежий воздух, в котором разливались ароматы засыпающих цветов. Вслухался в жужжание позднего шмеля.

— А по мне, приятное место. Свежее. Тихое...

Договорить не успел. Из соседней аллеи, уходящей волнистой линией к центру сада, донесся крик. Митя проломился сквозь живую изгородь и обнаружил на дорожке то, что в наливавшихся сумерках поначалу принял за кипу белья. Может, прачки обронили? Чу, да это девочка! Жива ли? В два прыжка оказался подле, прогоняя видение глубокой вспоротой раны... Жива! Шей тонкая, молочно-матовая и, по счастью, целехонькая.

◆ Стасс Бабицкий

— Не бойся, маленькая, я дурного не сделаю. Видишь — мундир с золотыми пуговицами. Нешто солидный господин и ребенка обидит? Ну-ну, чего опять в слезы? Больно? Ногу, видать, подвернула. Поднимайся тихонько, обопрись на меня.

Успокаивающий голос подействовал: девочка перестала всхлипывать.

— Тебя как звать-величать?

— К-К-Катериной.

— А годков сколько?

— Се-сем-надцать.

— Надо же, а по виду ты, — Митя смутился, — то есть вы... Дите малое...

Он начал приглядываться и обнаружил откровенное декольте под прозрачной накидкой, вполне сочную грудь. Губки на кукольном личике округлились с недетским кокетством. Одна, вечером, да еще и в таком наряде. Не гуляющая ли?!

— Возвращалась в особняк Долгоруковых, хотела дорогу срезать через парк. — Она почувствовала его подозрения и поспешила объяснить: — Но заплутала с непривычки. А тут злодей из куста выпрыгнул.

— Постойте-ка, вы — новая фрейлина! — догадался почтмейстер. — Вместо одной из погибших.

Снова-здорово. Заревела. Ох, фалалей¹, голова мякинная, сам напомнил про жестокие убийства. Но и девица хороша! Сунулась в темные аллеи без провожатого, а засим чуть жизни не лишилась. Нельзя бросить ее и уйти. Головорез может вернуться.

¹ Балбес (*устар.*).

— Расскажите о приметах упыря этого.

— Я особо-то не разглядывала. Помню бороду лопатой. А еще черную рубаху. Сатиновую.

Да-с, не густо. Он приобнял молодую особу за плечи — не фамильярно, по-отечески, — другой рукой поддерживал локоть и чувствовал, как она вздрагивает: любое движение отдавалось болью в расшибленном теле. Шли не торопясь. Митя подстраивался под короткий, семенящий шаг до самого дома с колоннами. Катерина закусывала губы, чтобы не вскрикнуть. Это ему понравилось, да и не только это. Золотистые локоны щекотали волевой гусарский подбородок, а синие глаза фрейлины переливались волнами обожания и восторга. Такие взгляды обычно достаются героям или любовникам. И хотя Митю давно не записывали в первую категорию, он был не прочь оказаться во второй.

— Смотри, егоза, больше затемно одна не бегай! — напутствовал на прощанье у решетки ворот, срываясь на интимное «ты» и, может быть, чуть громче, чем требовали приличия. Зато привратник поднял голову, выныривая из легкой дремы, и будет таращиться вслед бабышне, пока та не дойдет до крыльца. Ежели напасть какая — защитит.

Всю обратную дорогу почтмейстер улыбался. Прощел из конца в конец одну аллею, затем следующую. Куда исчез его товарищ? А вот, откуда-то сбоку, звучат приглушенные голоса. Один гугнивый, казалось, от него разит гнилыми зубами и дешевой бражкой.

◆ Стасс Бабицкий

— Ты где это, лапсердак¹, учился по музыке² ходить?

— Подальше, чем ты, — ответил уже Мармеладов.

Да, несомненно, его манеру ни с чьей иной не спутаешь, всегда излагает чуть насмешливо.

— В Бутырской академии³ или в Каменщиках⁴?

— В сибирском остроге.

— Силен! — уважительно поцокал языком гундосый.

Митя вышел из-за кустов к тому самому мостику и увидел приятеля, сидящего на перилах. А подле него...

— Ах ты, супостат! — взревел почтмейстер и кинулся на бородача в черной косоворотке.

Не ожидавший подвоха разбойник шарахнулся назад и свалился в обмелевший ручей. Вскочил, отфыркиваясь, точно большой кудлатый пес. Митя лихо спрыгнул вниз, сгреб его в охапку.

— Попался, кровопийца. За все ответишь!

— За какой именно проступок, позволь уточнить? За то, что на людей кидается, пугает их да на землю швыряет? Тогда вы с ним по одной статье пойдете, — рассудительно заметил критик. — В убийствах Архипка не виноват. Это, друг мой, обыкновенный шарапник, из тех, кого в полицейских протоколах называют «напрыжником». Его задача выскочить из-за угла, напугать и, пока жертва не опомнилась, забрать что-то ценное.

¹ Пиджак (*жарг.*).

² Воровской язык, а в более широком смысле — воровская жизнь (*жарг.*).

³ Бутырская тюрьма (*жарг.*).

⁴ Таганская тюрьма (*жарг.*).

— Он же... Полчаса не прошло... На фрейлину напал! — Гнев понемногу выветривался, но дышал Митя тяжело, угрожаяще.

Бандит замычал.

— Ты захват-то ослабь, — посоветовал Мармеладов. — У нас, веришь ли, увлеченность взаимная. Не убежит.

Освобожденный из тисков бородач упал на колени и долго откашливался. Умылся из ручья, туда же сплюнул, потом взял развязный тон.

— Складно звонишь, туточки и на храпок, много чего словишь. Камбалу или луковицу, а то, глядишь, обруч красного товару. Бывает персяк или уздечку, а у кого и пригоршню птичек. Набил трифона, после к барыге!

Митя тряс головой, так делают ребятишки, если вода попадает в ухо. Хотя ему было гораздо неприятнее: слова тюремного жаргона, старательно и намеренно позабытые, вспыхивали в мозгу. Напоминали о каторге. Само собой пришло понимание: напрыжник отбирал у прохожих золотые лорнеты, карманные часы и кольца, не брезговал сорвать с головы платок или шляпку, деньги отнять, а мешок с добычей тащил к скупщику краденого.

— Те дни на гопе¹ провел. Больно много золы² тут было, и неспроста. Я кой-чего знаю. — Разбойник понизил голос. — Недалеко отсель Алексей Алексеевич нашел мамзельку, зорянкой чинявую³.

¹ Воровской притон (жарг.).

² Полиция (жарг.).

³ Ножом зарезанную (жарг.).

◆ Стасс Бабицкий

— Что за Алексей Алексе..

Но Мармеладов не дал приятелю закончить вопрос, перебил:

— Про это мы знаем поболее твоего! Возле зарезанной девицы карту нашли, туза пикового. Может, кто из ваших таким образом сигнал или весточку передает?

— Чтобы вор из молитвенника¹ скинул господина Блинова?² Э, нет, шалишь. После такого форта не жди. Да и нет никакого резона мамзелек резать. За горло придушишь для блезиру — она все отдаст и ширман наизнанку вывернет.

— Что за ширман? — напрягся почтмейстер.

— Нешто не знаете? — удивился Архип. — Это же кармашек потаенный, на юбку нашитый, в складках. Снасильничать и того проще: ладонь барышне на лицо кладешь, та обмякнет, сознание долой. На мокрянку³ никто с нашей хивры⁴ без нужды не пойдет. Это нелюдь завелся, зверина бешеная!

Митя отказывался верить кудлатому псу, стоял, набычившись, сжимая и разжимая кулаки.

— За каким бесом ты на фрейлину напал?

— А приметил богатый вензель на груди приколотый. С жирозолью⁵.

— У-у-у, стервятница, — не сдержался почтмейстер и отшвырнул чернорубашечника мощным пинком. — Поди прочь!

¹ Колода карт (жарг.).

² Пиковый туз (жарг.).

³ Убийство (жарг.).

⁴ Банды (жарг.).

⁵ Драгоценный камень.

— Погоди-ка, торопыга. Мы еще не рассчитались. — Мармеладов достал из кармана сюртука золотую подвеску, украшенную прозрачно-голубыми опалами с радужным отливом. Тот самый вензелек. — Ты, Архипка, добычу оценил в трех «петухов»¹, так?

Бородач одобрительно гукнул и облизнулся.

— Но мы с тобой оба знаем, ни один барыга отсюда и до Марьиной рощи за эту жирозолку больше «карася»² не даст, так?

Бандит сник.

— Так.

— Не журись. Вот тебе двенадцать рублей, — Мармеладов отсчитал серебряные монеты, — и каждый не внакладе. По рукам?

Бандит растворился в сгустившихся сумерках, словно капля крови в бокале мадеры.

— А лорнет и впрямь похож на камбалу, не находишь? И в часах есть нечто неуловимо луковичное, — произнес Мармеладов, глядя вслед убегающему разбойнику. — Не зря воровской язык называется «музыкой». Образный и даже чересчур изящный для таких диких натур.

— Чтоб у этих натур потроха вспучило! — буркнул почтмейстер. — Ты тоже хорош. Заплатил за брошку, а мог попросту забрать у сквернавца. Краденая же!

— То есть кто у вора украл, тот и не вор? — изогнул бровь Мармеладов. — Нет ни малейшего желания проверить на прочность сей спорный постулат. Пойдем к

¹ Купюра достоинством в 5 рублей (*жарг.*).

² Купюра достоинством в 10 рублей (*жарг.*).

◆ Стасс Бабицкий

свету из этих зарослей, путем доскажу. Помнишь, ты в рыцарском порыве поспешил на крик девы, попавшей в беду? Я тоже сорвался было вслед, но заметил, как за деревьями крадется этот самый тип. Ухватил за бороду, потрянул пару раз, ругнулся позабористее, и — представь себе — он проникся ко мне доверием. Грязные ли штаны произвели уютное впечатление или слова на воровском жаргоне, но уверился Архипка, что мы одного поля ягоды. Умолял выкупить украденную вещицу. «Ежели с ей поймают, сразу в буршлаты¹ и к дяде на дачу². Выручай, лапсердак!» — Он скопировал и голос, и ярославский говорок бандита. — Просил пятнадцать целковых, но я сторговал дешевле. Выгодная сделка! В любом ломбарде легко отслюняют двести: вензель-то императорский. А напрыжник того не разглядел.

— Ты наживаешься на этой истории? Ни в жизнь не поверю! — хмыкнул Митя. — Но я не понимаю этот карамболь, ей-богу, не понимаю.

— Денег я ему дал за ценные сведения. А это, — Мармеладов подбросил украшение на ладони и отдал почтмейстеру, — верни фрейлине. Немедля! Прекрасный повод нанести поздний визит барышне, запавшей тебе в сердце.

— Приятная, спорить не стану. Но откуда ты вывел сердечный интерес?

— Иначе ты бы не бросался с кулаками на ее обидчика, не разобравшись, сгоряча.

¹ Наручники (*жарг.*).

² Пересыльная тюрьма (*жарг.*).

Митя покраснел, радуясь, что в темном парке его смущение не слишком заметно, и поспешно увел тему на другое.

— Кого упоминал этот гнус? Не помню имя и отчество, не вовремя ты, братец, перебил...

— А-а-а, это гольтьба в Москве повадилась так слуг называть. Любой лакей — Алешка, дворецкий посолоднее, потому — Алексей Алексеевич.

Они вышли из парка и свистнули извозчика. Пока пролетка подъезжала, гремя ободами колес по мостовой, Мармеладов негромко подытожил:

— Сбежавший разбойник или его дружки никогда не устоят перед чисто человеческим желанием — пожить. Эти непременно отобрали бы цацу, в семь тысяч оцененную, у погибшей Лизаветы Генриховны. Но тогда зачем руки кровью пачкать?! Нет, у злодея желания нечеловеческие. Он знал своих жертв и сводил с ними личный счет. Наслаждался их беспомощностью, мольбами... Чувствую ненависть, лютую и безжалостную. Но еще сильнее — одержимость! Пикового туза выставляет напоказ вместо подписи: глядите, моих рук дело. А убивает ради идеи, которая для него лично дороже золота. И вот это, доложу я тебе, по-настоящему жутко.

V

Расставшись с приятелем, Мармеладов отправился домой. Но передумал. Велел извозчику проехать чуть дальше и остановить колымагу возле церкви.

◆ *Стасс Бабицкий*

— Поздно спохватился, барин, грехи замаливать, — прошамкал беззубый возница. — Свечи уж выгорели...

— Никогда не поздно, — назидательно сказал сыщик, опуская в трясущуюся руку пару монет, — замаливать старые грехи и совершать новые.

Повернулся спиной к храму и пошел в карточный притон по соседству. Владелец его, отставной штабс-капитан Еропкин, слыл человеком прижимистым. Вина ставил дрянные, да и водку тоже. Сукно на столах пестрело заплатами. Подсвечники из дешевых, не чета золоченым канделябрам Английского клуба. Приходил сюда народ небогатый: приказчики, артельные бригадиры, коллежские регистраторы и провинциальные секретари. Студенты прибегали, с горстью медяков на удачу. По пятницам навещался околоточный надзиратель. Сводил брови и рычал: «Ужо я вас, пр-р-роходимцы!» Хозяин уводил его в отдельный кабинет, где полицейский начальник опрокидывал рюмку французского коньяку, а после получал в знак особого расположения банковский билет неизвестного достоинства — то есть им обоим прекрасно известного, но гости, как ни старались, ни разу не сумели углядеть, какую бумажку прячет в кулаке служитель закона.

— Пришлю городского, пушай дежурит у дверей, — басил тот вполне дружелюбно, но спохватывался и раскатывал по залу с прежней строгостью, — чтобы эти паченеги чего не набезобр-р-разили!

И на прощанье, вполголоса:

— Ты, Кузьма Григорыч, того... Не позволяй моим охламонам проигрывать казенное обмундирование.

Ставят, понимаешь, на кон то сапоги, то фуражку с номерной бляхой, чер-р-рти окаянные.

Штабс поддакивал, сверкая хитрыми глазами. Он не принимал в залог вещи или драгоценности. Любой портсигар или часы могут оказаться краденными, с ними проблем не оберешься. А монеты или банкноты попробуй-ка отследи. Докажи, что ворованные! Поэтому игра за столами шла исключительно на деньги.

На чем не экономил скупердьяй Еропкин, так это на картах. Колоды новенькие, не стриженные, без заломов и отметин. Пергаментную обертку с хрустом рвали прямо перед игрой, чтобы пресечь любое плутовство. Шулеров в притоне не жаловали, коль скоро попадались — нещадно били, а лишь потом отдавали полиции. Однако ловкачи все равно пробирались под видом ротозеев из мелких чинов или тех же студентов. Охватив цепким взглядом дюжину столов, Мармеладов приметил минимум трех.

Толстый лапотник в ситцевой блузе прилагал огромные старания, чтобы казаться неуклюжим увальнем. Ронял карты, время от времени переспрашивал — по правилам ли будет сходить вот эдак? Игроки, уставшие от вина и сигаретного дыма, обсуждали: везет же недотепе. Горка монет перед ним неуклонно росла, от выигрышей жирдяй конфузился, покрывался испариной и невнятно лопотал. Но сыщик видел: пальцы-колбаски сдают карты с верха колоды, а для себя выдергивают из-под низа, куда заранее замешаны были короли и тузы.

Брюнет с мелкими усиками, похожий на итальянца, но назвавшийся князем Тифлисским, выбрал иную тактику: травил сальные анекдоты. Противники начинали

хохотать, в этот момент плут подсовывал одному из них колоду на резку. Те тыкали пальцем не глядя, задыхаясь, смаргивая набежавшие слезинки — истории у чернявого и впрямь смешные, до колик. А шустрец заранее делил стопку острым ногтем большого пальца и сносил карты как ему выгодно. Каждую третью игру сознательно пускал на ветер, чтобы отвести подозрения, но ставки делал минимальные и оставался в выигрыше.

Третий вышагивал от стола к столу, разодетый франтом. Ждал, пока какой-нибудь картежник уйдет с проклятиями, проигравшись в пух и прах. Тогда можно занять освободившееся место и обобрать победителя. То, что это тоже шулер, Мармеладов вывел после недолгого наблюдения. Во-первых, щеголь раскусил первых двух обманщиков и не стал подсаживаться к ним. Нет смысла грызться с волками, ведь еще за десятью столами сидят непуганые бараны, готовые к стрижке золотого руна. Во-вторых, в душном помещении все давно разделись до рубах, а этот не снимал ни сюртука с высокой талией, ни жилетки из серо-голубого казинета¹. Наверное, в рукавах или потайных кармашках припрятаны нужные карты.

— Ну-с, извольте получить семьдесят рублей. — Писарь из нотариальной конторы раздраженно бросил асигнации поверх выложенных веером туза, десятки, короля, дамы и валета. Бубновой масти.

— Мажорная квинта, да еще и на козырях. Ух, везет басурманину! — зашептались немногочисленные зрители, а казинетовый поспешил плюхнуться в кресло.

¹ Недорогая полушерстяная ткань.

— Сыграем на все? — предложил он.

В ответ соперник молча смахнул рукавом цифры, записанные в столбик прямо на лоснящемся, затертом до дыр сукне. Очертил мелом квадрат для подсчета очков. Кивнул, приглашая сдавать. Франт ослабилась и сгреб колоду.

— Вишь-ты, головой трясет, аки китайский болванчик... По-нашенски ни бельмеса! — Зеваки переключились с выигрышных стратегий на личность удачливого игрока.

Прошли те времена, когда француз в узком фраке или немец с моноклем вызывали удивление московской публики. Сейчас многие, не только из высшего света, но даже и среди мещан, стремятся подражать европейской моде. Нарядиться так, чтобы тебе вслед свистели удивленные прохожие, а мелкие сорванцы бежали вслед, до угла, желая подольше любоваться на заморское чудо — такое мало кому удается. Но этот человек привлекал взгляды в любом месте, где бы ни появился. Он выделялся из толпы уже одним лишь высоким ростом, но вдобавок носил шитый золотом халат. Лицо его цветом напоминало взболтанный яичный желток. Глаза — узкие щелочки, словно постоянно щурятся от яркого света. Длинные, как у девицы, волосы собраны в конский хвост, а на лбу и висках выбриты проплешины. Азиатец, редкий гость в Белокаменной. За таким мальчишки по улицам следуют в почтительном молчании: не сразу сообразишь, как дразнить и про что зубоскалить — вон сколько поводов, аж оторопь берет. Завсегда таи еропкинского дома тоже быстро выдохлись и пришли к вы-

◆ *Стасс Бабицкий*

воду: болванчик, сиречь, болван, а дуракам — счастье, оттого и везет нехристю.

— Кто бы мне объяснил... — пробормотал Мармеладов.

Бойкий старик из числа наблюдателей повернулся к сыщику.

— С превеликой охотой, сударик мой. За этим столом играют в безик. Кто первым наберет тысячу очков, тому весь банк и достанется. Хороший банк, солидный. Не убоюсь слова «банчище»! Семьдесят рублей нынешних, да с прежних выигрышей сто тридцать целковых, пожалуй, наберется. И с другой стороны Жилет аналогичную сумму ставит. Четыреста рублей за партию, видели вы такое?!

Скрипучий голос звучал достаточно громко, чтобы заманить всех присутствующих. Игроки вытягивали шеи от других столов, кто-то бросал свои карты с неудачным раскладом и подходил посмотреть. Многим такой кучи денег хватило бы на целый год, а выиграть ее одним махом никто и не мечтал.

— Смешивают две колоды, без шестерок, — продолжал доброхот. — За выигранные карты даются очки, но куда больше приносят комбинации: марьяжи¹, кварталы² и квинты³. За них, сударик мой, самая битва и пойдет.

Шулер тем временем раскидал на две стороны по восемь карт. Остальные положил на стол и предъявил козырь: семерка червей.

¹ Король и дама одной масти.

² Четыре карты одного достоинства.

³ Пять карт одной масти, идущие подряд.

— Обломал я вашу удачу, как сосульку с карниза, — ухмыльнулся он, записывая в свою пользу десять очков.

Зрители потирали ладони в предвкушении проигрыша заезжего счастливица, при этом задавались вопросами: «А есть ли карнизы в домах у китайцев?» и «Бывают у них суровые зимы, чтоб прямо со снегом, с сосульками?». Иными словами, дошел ли до щелеглаза смысл издевки. Тот пожал плечами и выложил козырного короля. Венценосец был нещадно бит тузом, и на счет Жилета добавилось еще пятнадцать очков.

— После первой взятки разрешается нахваливать свои марьяжи. По одному за ход.

— Правила я помню довольно сносно, — прервал Мармеладов разговорчивого старика. — Меня изумляет само появление в эдакой дыре столь сочного персонажа.

— Китайца?

— Заладили тоже, хотя ничего не смыслите. Китайцев я встречал в сибирских... городах. — Сыщик проглотил упоминание о каторге. — У мандаринских жителей волосы заплетены в косицу, и одеваются они иначе. Нас же, насколько я могу судить, посетил японский дворянин, коих еще величают «самораями».

— Сами в рай попадают? В обход остальных, что ли? — заржал неопрятный артельщик.

— Эти японцы отчаянные воины, очень гордые люди с особым кодексом чести, — произнес Мармеладов с нажимом. — Вряд ли такому понравится, что над ним смеются. Отрежет шутнику уши или еще чего.

Мастеровой нервно сглотнул и стал бочком пробираться к выходу.

◆ *Стасс Бабицкий*

— Прежде я видел таких на зарисовках в книжице у нашего путешественника... Запомнил фамилию! Оттого и любопытно, с какой оказией заморский гость в Москве очутился?

— А про то знаю я. — Хозяин не обиделся, что его картежный дом назвали «дырой». Бывало, и похуже обкладывали, но доход идет, а прочее не в счет. — Зашли сегодня, как стемнело. Этот и с ним двое.

— Тоже японцы? — Люди озирались по сторонам, в надежде увидеть еще пару расписных халатов.

— Куда там, один — студент в картузе, другой — казак с рыжим чубом. Я пеструю компанию безотлагательно заметил, среди тутошних серых рож редко попадает подобный колорит. Спрашиваю: откуда будете? Оказалось, едут из Санкт-Петербурга на южные границы империи. Деньги на путешествие им срочно потребны, отважились испытать судьбу в моем заведении. — Он надулся от гордости. — У Еропкина самые честные шансы, и в заграничах про то знают!

— Но в столице тоже не на каждом шагу самораи встречаются. — Сыщик подтолкнул мысль собеседника в нужном направлении. — Жил я там, многое повидал, а такого не припомню.

— Обождите! Я к этому и подвожу. Нетерпеливые все стали, единым духом вынь да положь. А любая история, подобно реке в русле, свое течение имеет. Нечего на ней запруды строить, господа любезные! — Отставной вояка покраснел и стал взмахивать рукой, он закипал от гнева всякий раз, когда перебивали или понукали. — Выспросил у юнца в картузе доподлинные сведения. Японец сей и вправду знатного рода, приезжал в

составе посольства от их императора к нашему. Морем плыли три месяца, от скуки даже русский язык учили. Подписали договор про обмен россыпи мелкокаменных островов на Сахалин, — я, право, не запомнил, что именно отныне принадлежит России. Но мы с вами туда и не доберемся, чтоб поглазеть на эти... Курилы, кажется. Самодержец в даль несусветную тоже вряд ли поедет. А чего своими очами не лицезрел, перстами не щупал — за то и сердце не болит, правильно?!

Интерес к путаному рассказу штабс-капитана понемногу спадал. Отчасти это было вызвано новой удачей «болванчика» — в очередной ход он выложил на стол четырех тузов и вырвался на сто очков вперед.

— Но самое забавное, — повысил тон Еропкин, стараясь вновь перетянуть внимание на себя, — в столице с этого чудака пытались снять одежду прямо на улице, да чуть не пришибли насмерть!

В толпе понимающе загудели: ходить в золоте по темным закоулкам себе дороже. Грабителей развелось...

— А тут казак проходил мимо. Выручил, разбойников прогнал. С тех пор японец в долгу — так у них принято и, представьте, будет служить своему избавителю, пока не отплатит тем же. Едет теперь на Кавказ вслед за усатым. О как!

Развязку истории встретили одобрительным гулом, а многие захотели вспрыснуть вином, да и угостить отважного казачка, но не нашли его среди гостей, сколько ни оглядывались. Не увидели и студента. Может, выдумал штабс, чтобы потешить публику? Байка завтра разойдется по округе, послезавтра, обрастая выдумками и домыслами, по всей Москве. Народ повалит толпой, желая узнать из первых уст про удачливого басурмана.

А тому опять сказочно везло. Сыграл четырех дам и под конец колоды квинту на трефах. Раздали заново. Франт уже не насмешничал. Пришли в начале второй партии пиковая дама и бубновый валет — безик! — сократил отставание на сорок очков, но между ними пропасть и сарай к победе ближе. Или саморай? Тудыть его растудыть!

— Плох Жилет, не выдюжит. Это я вам, сударик мой, готов подтвердить опытом, который имею. — Старик взял Мармеладова за локоть и доверительно шептал на ухо. — Правда, сам в карты не играю, позвольте задуматься, лет двадцать. Да-да, с тех пор, как в 1855 году преставился его императорское величество Николай Павлович, упокой Господи его бессмертную душу...

— Странно, — пробормотал сыщик, не поворачивая головы, — с такими ловкими пальцами в шулеры бы податься. А вы выбрали опасную стезю карманного вора. Не вздрагивайте. Зачем допускать к нашему маленькому секрету окружающих? Они карманных воров не любят куда больше, чем тех, кто карты мухлюет. Отойдем на два слова.

Они незаметно переместились в темный угол у дальней стены.

— Как прикажете к вам обращаться?¹ Благородием? Высокородием? Хотя до статского советника покамест вряд ли дослужились, сударик мой.

¹ Разным классам Табели о рангах соответствовало разное обращение. Титулярный советник и низшие чины — «ваше благородие». Коллежский советник, надворный советник, коллежский асессор — «ваше высокоблагородие». Статский советник — «ваше высококордие».

— Я давно выпал из Табели о рангах, да и прежде не занимал в ней особых чинов.

— Не служите? А с вашим взглядом ищейки стали бы отменным следователем. Верьте, старый Фарт видит людей насквозь. Возьмем для примера того молодого ловкача, который пытается надуть японца. Его погубит жадность. Мог, как я, щипать публику годами, срывая за вечер по два или три червонца. Жить припеваючи. Эти недотепы — вишневый сад, который приносит постоянный урожай. У одного возьму бумажку, у другого пару монет, у вас рубль серебряный выудил, а на остальное не покушаюсь. Придет человек домой, пересчитает деньги и не поймет, что его обобрали. Подумает: ну, выронил. Или в трактире лишку дал. Или извозчику. Девка стащила, а может, и жена. Проиграл чуть больше. Выиграл чуть меньше. Сам себя успокоит, и я назавтра еще рублик у него вытяну. Хорошему обманщику, сударик мой, необходимо терпение. А ловкость рук и быстрота реакции — дело наживное. Но есть ли терпение у Жилета? Нет! Молодые алчут все и сразу, о будущем не думают, потому редко доживают до моих седин. Помяните мое слово, вскорости он наломает дров.

Как в воду глядел! Толпа вокруг стола зашумела, вспенилась «ахами» и «охами».

— Двойной безик! Пятьсот очков. Забирай банк. — Франта поддерживали одобрительными выкриками.

Мармеладов глянул поверх склонившихся голов. Две дамы пик, два валета бубен. Обидно проигрывать, но вроде все по правилам. Чего же ярится саморай?

◆ *Стасс Бабицкий*

— Ты... Ты... — Желтолицый пытался подобрать слова, но отказался от сложной затеи и выхватил из-за пояса кинжал.

Городовой заметил от двери блеск стали и метнулся вперед с возмущенным воплем. Заорал и шулер, но уже от страха. Отточенное лезвие вспороло левый рукав его сюртука, не поранив кожу. Спрятанные карты разлетелись стайкой ярких бабочек. Тузы, десятки, дамы разных мастей...

— Ты доставал отсюда. — Хриплый голос срывался от ярости. — А ненужные карты прятал туда.

Острые скользнуло к животу неосторожного шулера. Трое типчиков с пропитыми лицами сунулись проверить обвинение. И действительно, в кармашке для часов лежали восьмерки и девятки, которые очков не приносят. Жухальнику заломили руки за спину.

— Ах ты, харя бесовская! — заверещал он. — Ребятуншки, я фокус показывал.

— У нас за такие фокусы отрубают руку по локоть! — отрезал японец, пряча оружие обратно в складки халата.

— А я ведь предупреждал, — ухмыльнулся старик, выходя из тени. — На Востоке есть такая игра — ма-дзянь, кажется, — там надо запоминать комбинации из полутора сотен костей с разными значениями. Играют в нее с детства. Японцу наши двойные колоды — семечки. Даже я не забыл, что в этом раскладе безик уже сыгран. Значит, двойному взяться неоткуда. Дождался бы Жилет третьей партии, но терпения не хватило.

— Еще один игрок погорел на пиковой даме, — подытожил Мармеладов. — Ничего не меняется.

Шулер не собирался сдаваться. Одним поворотом широких плеч стряхнул мужичков, которые в него вцепились. Вторым движением выхватил из кармана маленький тупоносый пистолет. Прицелился, успел крикнуть: «Сдохни!» Но тут же выронил «браунинг» и схватился за запястье. Старый Фарт ударил оловянным подсвечником — очень вовремя и так быстро, что остальные не успели шевельнуться.

— Растяпы, — пожурил он. — Смотрели на левый рукав, где карты прятал. А надо было правый карман изучать. Он туда украдкой руку совал, проверял, на месте ли... Пистоль, нож или кастет, какая, в сущности, разница? Не дать этим воспользоваться — вот вопрос жизни и смерти.

Зрители мигом сбросили оцепенение. Люди здесь, как на подбор, тертые и злые. Терпеть обиду не станут. Тумаков навешают от души, а душа у русского человека широкая.

— Заметьте, сударик мой, кто сильнее пинает поймавшего с поличным. Другие шулера. Видали? — Старик вернулся к Мармеладову. — Толстый лупит наотмашь, Князек каблуком на руку наступил. Полицейский убийства не допустит, отгонит чуть погодя, а со сломанными пальцами Жилет вряд ли уже когда-нибудь смухлюет. Постарались добры молодцы, хотя сами могут оказаться на его месте в любой миг. Но эти двое благоразумнее, глядишь, дольше продержатся.

— Вы по той же причине геройствовать начали? — уточнил сыщик. — Чтобы не выделяться?

◆ *Стасс Бабицкий*

— Нет, другой довод перевесил. За спасение репутации заведения, а согласитесь, стрельба и драки отпугивают клиентов, — хозяин будет впредь брать с меня меньшую мзду.

— Неужели вы делитесь с...

— Именно, сударик мой. Из каких доходов, по-вашему, Еропкин платит квартальному и другим прилипалам?! Но вы не о том желали меня спросить.

— И то верно. Просветите меня касательно игровых карт...

VI

На следующее утро казенный экипаж заехал на Сивцев Вражек. Митя проживал в мезонине, он увидел коляску заранее, спустился вниз в халате и домашних туфлях на босу ногу.

— Ты не готов? Ехать пора!

Мармеладова переполнял азарт. Куда подевалось прежнее задумчиво-сонное настроение. Сыщик-любитель походил на пса, учуявшего дичь. Перебирал лапами, жадно вдыхал воздух и рвался с места, в погоню, пока следы не остыли. Это отличало его от полицейских и судебных служак. Те, скорее, напоминали цепных кобелей, злых, но ленивых. Такие готовы загрызть всякого, кто подойдет близко, причем не из интереса или заботы о хозяйском добре-покое, а за миску костей и мясных обрезков.

— Я, веришь ли, не выспался, — посетовал Митя.

— А я не удивлен. Благодарная фрейлина до рассвета угощала тебя... Шампанским?

— Чай пили. Да и ушел я чуть за полночь. Приличия все-таки. — Он улыбнулся, точно сытый кот, тайком отведавший сметаны. — Но из-за этой истории, веришь ли, кошмары снятся, до утра ворочался. Может, без меня справишься?

— Не ожидал увидеть гусара, сдающего позиции, — включил Мармеладов едкую свою иронию, за которую многих подмывало его поколотить, да не отваживались. — Забыл девиз, завещанный Денисом Давыдовым: «Чтобы стены от «Ура!» и тряслись, и трепетали»?

— Ну, право, братец...

— Ты мне очень нужен. Ради внушительности. Приедем к Долгоруковым, а там — сплошь придворный люд. Кто для них я? Козьявка потешная. Ты же, как ни крути, власть. У тебя мундир! Фуражка! Позумент! Тебе они захотят раскрыть душу, поделиться сокровенными мыслями.

— Так прямо и захотят...

— Все взгляды прилипнут к твоим золотым пуговицам! На меня никто не посмотрит, смогу незаметно наблюдать. Это полезно для дела. Не Хлопова же с собой брать! Собирайся, прокатимся с ветерком. Кони у судейских резвые!

И вправду, серые рысаки такую скорость взяли, что Митя вцепился в фуражку двумя руками, не улетела бы на повороте. Экипаж остановился у Провиантских складов.

— Прочь, алырницы¹! — Кучер поднял кнут, чтобы отогнать набежавших цыганок, но Мармеладов успел его остановить.

Пожилая, скособоченная, но с пронзительно-ясным взглядом гадалка схватила почтмейстера за руку — не вырвешься — и затянула:

— Знаю про тебя правду. Вижу скорую печаль и беду, встречу нежданную с человеком из прошлого. Ай, счастье тоже вижу. Позолоти руку, сокол ясный, ничего не скрою.

Две другие, совсем девчонки, — внучки, а то и правнучки цыганки, — подошли к коляске с другой стороны.

— Ба-а-арин весе-е-елый, ба-а-арин приго-о-ожий, — затанули они нараспев. — Дай копе-е-ечку.

Вроде ничего необыкновенного, а рука сама потянулась к карману. Серебряный рубль, вертясь в воздухе, полетел к проказницам. Младшая поймала монету на лету, поцеловала и зажала в руке. Сестрица попыталась разжать ее кулачок, да ничего не вышло. Меньшая, предвидя немедленную драку, бросилась в сторону, а другая побежала вдогон.

— Стойте, стойте! Скажите-ка, резвуньи, что при гадании на будущее означает пиковый туз?

Цыганочки вернулись, своим видом и нарочито-громким перешептыванием давая понять: это знание они оценивают не меньше, чем в еще один рубль.

— Годится. — Он достал серебряный кругляш, повертел в руках.

¹ Воровки (*устар.*).

— Ежели лег острием вверх, считай, повезло. Казенный дом или неудачи в любви, — начала одна, другая мигом подхватила. — А вниз острием, плохо. Будут дурные вести или скорая смерть...

Мармеладов щелчком подбросил монету. Старшая не удержала, нагнулась, чтоб поднять, но сестрица вьюрком нырнула к земле, зажала денежку во второй кулачок.

— Ах, джюкли!

Взметнулись яркими кострами их лоскутные юбки, и вот уже нет никого, только пыль, поднятая босыми пятками, оседает.

Между тем старуха взяла Митю в крепкий оборот: нагадала ему скорейшую свадьбу с богатой наследницей да повышение в чине.

— С лица ты не слишком красив, соколик, но душа у тебя красивая. Ты добрый, в жизни мухи не обидел, а на сердце печаль великая. Помогу ее победить. Вот, возьми копеечку.

В руке непонятно откуда — не иначе, из воздуха достала — появилась потертая медяшка. Крестит ею ладонь Митину, приговаривает:

— Копеечка верченая, в трех церквах освещенная, прибери боль, подари любовь, укрой от беды, огня и воды. Носи на счастье! Нет, голыми руками не бери, заверни в ассигнацию или в билетик кредитный.

— Чего удумала, ехидна! — вяло отбивался «соколик». — Отстань ты со своими забобонами!¹

¹ Выдумками, глупостями (*устар.*).

